

СОДЕРЖАНИЕ

Карты.....	9
Пролог.....	13
Предисловие.....	17

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Крещение льдом

1. Поселок под названием Ад.....	27
2. Первые поиски	38
3. Зимняя жизнь в Агзу.....	46
4. Тихое коварство этих мест	55
5. Вниз по реке	64
6. Чепелев	71
7. Под натиском воды	79
8. Лед тронулся.....	89
9. Деревня Самарга	98
10. «Владимир Голузенко»	108

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

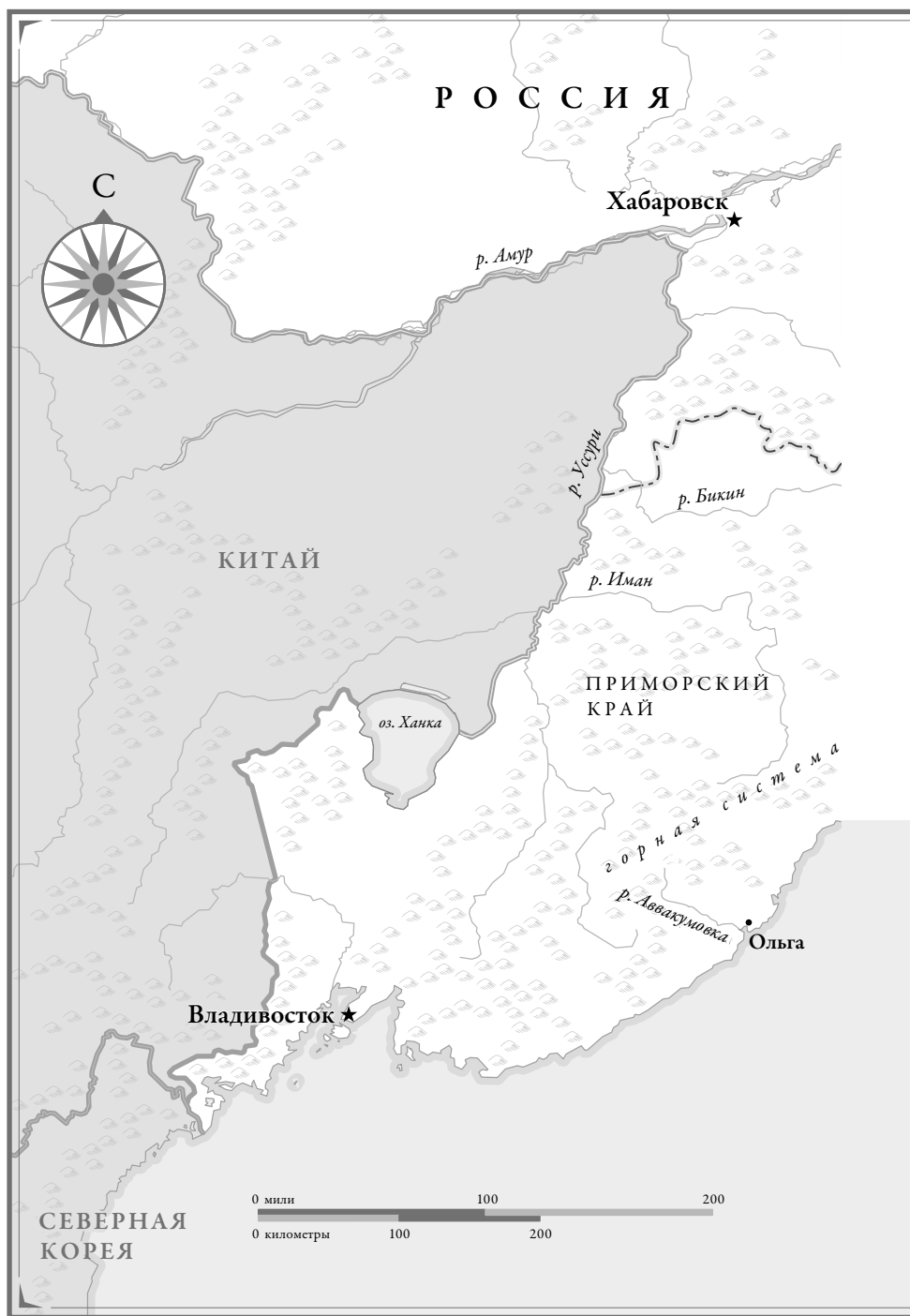
Рыбные филины Сихотэ-Алиня

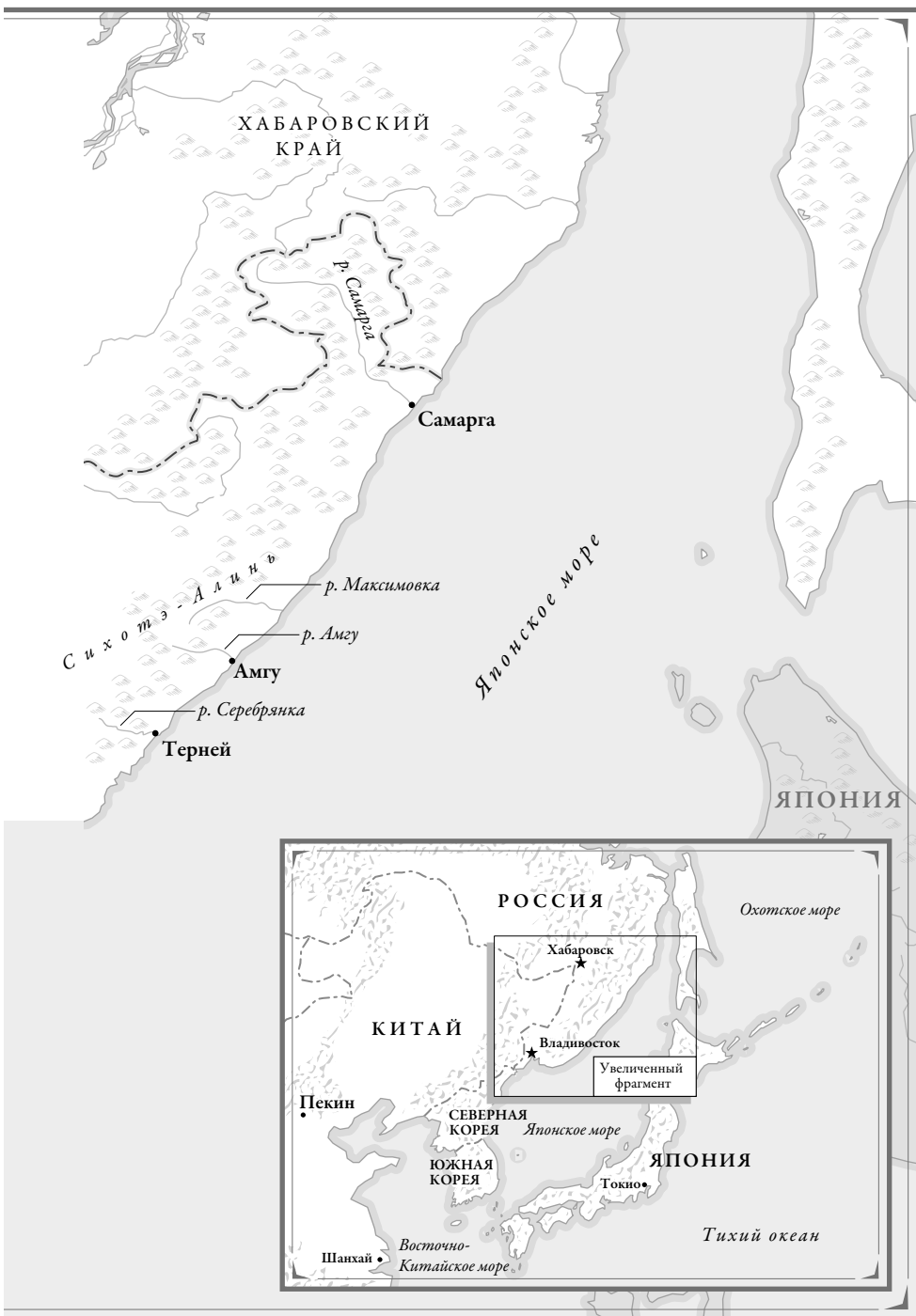
11. Голос древнего обитателя лесов	117
12. Гнездо рыбного филина.....	128
13. Там, где кончаются указатели	139
14. Банальность дорожных путешествий	152
15. Паводок.....	173

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
Отлов птиц

16. Подготовка.....	191
17. Первый промах.....	202
18. Отшельник	208
19. В снежном плену	216
20. Филин в руках.....	223
21. Радиотишина	233
22. Филин и голубь.....	243
23. Смелое решение	259
24. Рыбная валюта	277
25. Катков.....	285
26. На Серебрянке.....	292
27. Жуткие чудовища вроде нас	302
28. Катков в изгнании	309
29. Череда неудач	316
30. Вслед за рыбой.....	325
31. Калифорния на Дальнем Востоке.....	334
32. Тернейский район без фильтров	345
33. Сохранение рыбного филина	351
Эпилог	362
Благодарности.....	366
Примечания	368
Об авторе	383

Пролог

Впервые я увидел дальневосточного рыбного филина в Приморье — прибрежной полоске российской земли, упирающейся на юге в чрево Северо-Восточной Азии. Это далекий край, по соседству с которым Россия, Китай и Северная Корея сходятся узлом гор и колючей проволоки. В 2000 году во время похода по приморской тайге¹ мы с приятелем случайно вспугнули огромную птицу. Она поднялась в воздух, сердито ухая и тяжело хлопая крыльями, а потом на мгновение примостилась в лишенной листьев кроне, в десятках метров над нашими головами. Взъерошенная громада цвета древесной щепы настороженно смотрела на нас своими пронзительно-желтыми глазами. В тот момент мы еще не совсем понимали, что за птицу встретили на своем пути. Было очевидно, что это сова, но по размерам она превосходила всех, что мне довелось видеть: величиной примерно с орла, но пышнее и объемнее, с внушительными кисточками на ушах. На фоне подернутого сероватой дымкой зимнего

неба она казалась слишком большой и комичной, чтобы быть настоящей птицей, будто кто-то второпях обклеил годовалого медвежонка пригоршнями перьев, а затем водрузил ошарашенное животное на дерево. Решив, что мы представляем для нее угрозу, птица улетела прочь, с треском продираясь через деревья и обламывая своими двухметровыми крыльями ветви. Облетевшие хлопья коры еще парили в воздухе, когда она скрылась из виду.

На тот момент я уже пятый год подряд приезжал в Приморье. В детстве и юности большую часть времени я проводил в городах, и в моей картине мира преобладали ландшафты, созданные человеком. Однажды летом, когда мне исполнилось девятнадцать, отец взял меня с собой в командировку. Мы летели из Москвы², и я увидел, как лучи солнца вспыхивают и прокатываются по зеленому морю гор, буйному, густому, нетронутому. Передо мной то взмывали ввысь, то спускались в долины величественные волны горных хребтов, которые проносились мимо километр за километром, пока я заворуженно смотрел на них. Ни селений, ни дорог, ни людей — ничего этого не было. Таким я увидел Приморье. И влюбился.

После того короткого первого посещения я на полгода вернулся в Приморье в качестве студента, а потом провел там три года как волонтер Корпуса мира*. Поначалу я наблюдал за птицами от случая к случаю; это хобби появилось у меня еще в студенческие годы. Однако с каждой следующей поездкой на Дальний Восток мое восхищение первозданной красотой Приморского края росло. Я всерьез

* Корпус мира — независимое федеральное агентство правительства США, гуманитарная организация, которая направляет добровольцев в бедствующие страны для оказания помощи. — *Прим. пер.*

увлекся наблюдением за птицами. В Корпусе мира я сдружился с местными орнитологами, поднаторел в русском языке и теперь все свободное время проводил, распознавая голоса местных птиц, и повсюду следовал за коллегами, изучая птичье пение и помогая в различных исследовательских проектах. Именно тогда я впервые увидел рыбного филина и понял, что мой интерес вполне может перерасти в профессию.

О существовании рыбных филинов я знал с тех самых пор, как познакомился с Приморьем. Для меня эти птицы были чем-то вроде прекрасной идеи, которую сложно передать словами. Меня влекла к ним та же непостижимая сила, какая владела мной, когда я мечтал оказаться в каком-нибудь далеком таинственном месте, хотя ничего о нем толком не знал. Я размышлял о рыбных филинах и чувствовал прохладу таежных лесов и запах мха, которым поросли прибрежные камни.

После того как мы спугнули филина, я перелистал потрепанные страницы полевого справочника, но безрезультатно — таких птиц там не было. Нарисованный там рыбный филин походил скорее на унылый мусорный бак, чем на развязного гоблина, которого мы только что видели, и никак не соответствовал моим представлениям о нем. И все же мне не пришлось слишком долго гадать, что за птицу я встретил: я успел снять несколько кадров. Сделанные мной зернистые изображения попали к Сергею Сурмачу, орнитологу из Владивостока — единственному в Приморском крае специалисту по рыбным филинам. Как выяснилось, ученые давно уже не встречали дальневосточного рыбного филина в этих широтах³, и мои снимки стали лучшим подтверждением того, что этот редкий вид пернатых отшельников все еще существует.

Предисловие

Защитив в 2005 году в Университете Миннесоты дипломную работу¹ о влиянии лесозаготовок на жизнь певчих птиц Приморского края, я стал искать связанную с этим регионом тему для кандидатской диссертации. Меня интересовали вопросы сохранения живой природы, и список видов быстро сузился до черного журавля и рыбного филина — двух наименее изученных и наиболее притягательных пернатых, обитающих в этом регионе. Рыбные филины нравились мне больше, но, зная, насколько скудны сведения о них, я беспокоился, что численности птиц окажется недостаточно для полноценного исследования. Пока я раздумывал над этим, мне случилось отправиться на несколько дней в поход по лиственничным марям — открытому заболоченному пространству с чахлыми деревьями, которые росли на равном расстоянии друг от друга, возвышаясь над густым ковром из душистого багульника. Поначалу мне там понравилось, но спустя какое-то время отсутствие укрытия от солнца, головная боль от тяжелого

аромата багульника и тучи гнуса меня доконали. Тут меня осенило: это же типичная среда обитания черного журавля. Да, рыбный филин — птица редкая, и тратить на него время и силы рискованно, но мне хотя бы не придется провести следующие пять лет, таскаясь по заболоченным лиственничным лесам. Мой выбор пал на рыбного филина.

Благодаря репутации выносливого, приспособленного к суровым природным условиям существа рыбный филин стал почти таким же символом Приморья, как амурский (или уссурийский) тигр. Но несмотря на то что оба вида обитают в одних и тех же лесах и находятся под угрозой исчезновения, о жизни пернатых охотников на лосося мы знаем гораздо меньше. Первое гнездо рыбного филина обнаружили² в России только в 1971 году, а в 1980-х годах в стране, по некоторым оценкам³, обитало от 300 до 400 пар этих птиц. Их будущее вызывало серьезные опасения. Кроме того, что для гнездования рыбным филинам нужны большие деревья, а для пропитания — богатые рыбой реки, о них мало что было известно.

К началу 1980-х годов на другом берегу моря, в Японии⁴, всего в нескольких сотнях километров отсюда, численность рыбного филина не превышала сотни особей, тогда как в конце XIX века их насчитывалось в пять раз больше. Тамошняя популяция оказалась в осаде, лишившись мест гнездования из-за вырубki лесов и источника пищи из-за строительства речных дамб, перекрывших традиционные пути миграции лосося вверх по течению. Рыбных филинов Приморья от подобной судьбы уберегли инерция советской системы, слабо развитая инфраструктура и низкая плотность населения. Но в условиях свободного рынка в 1990-е годы появились богатство, коррупция, и на нетронутые природные ресурсы Северного Приморья,

считавшиеся главной защитой рыбного филина, устремились алчные взгляды.

Рыбные филины России оказались под ударом. Когда вид живет рассредоточенно и размножается медленными темпами, любое масштабное или продолжительное вмешательство в естественную среду его обитания может означать стремительное сокращение численности популяции. Подобное наблюдалось в Японии, а для России могло обернуться исчезновением одной из самых таинственных и замечательных птиц. Российский закон защищал и рыбных филинов, и другие виды животных, находящиеся под угрозой исчезновения⁵, — запрещалось не только убивать их, но и разрушать места их обитания, — но из-за отсутствия точного представления о том, каковы их потребности, невозможно было разработать действенный план по их сохранению. В отношении рыбных филинов подобных мер не принималось⁶, и к концу 1990-х годов ранее недоступные леса Приморья все чаще становились местами добычи ресурсов. Необходимо было как можно скорее разработать продуманную стратегию сохранения рыбного филина.

Сохранение и защита — разные вещи. Для защиты рыбных филинов мне не понадобилось бы проводить исследования: я лоббировал бы в правительстве запрет на лесозаготовку и рыбный промысел в Приморье. Эти обширные меры оградили бы рыбных филинов от опасности, устранив любые угрозы их существованию. Но помимо их нереалистичности, такие шаги не учитывали бы интересы двух миллионов жителей региона, значительная часть которых зарабатывает на жизнь тем, что валит лес и ловит рыбу. Потребности рыбного филина и человека в Приморье неразрывно связаны; и те и другие веками зависели от одних и тех же ресурсов. До того как закидывать в реки

сети и рубить деревья для строительства и продажи стали русские, этим занимались маньчжуры и коренные народы. Удэгейцы и нанайцы⁷ изготавливали красивую вышитую одежду из рыбьей кожи и строили лодки, выдалбливая их из стволов исполинских деревьев. Потребности рыбного филина в этих ресурсах всегда оставались скромными, а вот запросы людей со временем только росли. Моей целью было вернуть равновесие в эти отношения, сохранить необходимые природные ресурсы, и научное исследование было единственным способом понять, как это сделать.

В конце 2005 года я назначил встречу с Сергеем Сурмачом в его офисе во Владивостоке. Он сразу мне понравился: невысокий, подтянутый, с добрыми глазами и копной буйных волос. У него была репутация человека, открытого к взаимодействию, поэтому я надеялся, что он примет мое предложение о сотрудничестве. Я объяснил ему свой интерес к рыбным филинам тем, что пишу кандидатскую диссертацию в Университете Миннесоты, а он рассказал мне все, что знал об этих птицах. По мере обсуждения взаимная симпатия росла, и вскоре мы договорились о совместной работе: мы собирались как можно подробнее изучить тайную жизнь рыбных филинов и использовать полученную информацию для разработки реалистичного плана по их сохранению. Ключевой вопрос нашего исследования был обманчиво прост: какие особенности ландшафта важны для выживания рыбного филина? Мы уже имели общее представление⁸ об этом: большие деревья и много рыбы, но у нас ушли годы на то, чтобы понять все нюансы. Если не считать эпизодических наблюдений наших предшественников-натуралистов, мы начинали практически с нуля.

Сурмач имел обширный опыт полевых исследований. У него было все необходимое для продолжительных

экспедиций в отдаленные уголки Приморья: огромный ГАЗ-66 повышенной проходимости, оборудованный жилым отсеком с дровяным отоплением, несколько снегоходов и небольшая команда полевых ассистентов, которые знали, где искать рыбных филинов. Мы договорились, что во время нашего первого совместного проекта Сурмач и его команда возьмут на себя основную часть логистики и кадровые вопросы на территории России, я же познакомлю их с современной методологией и обеспечу большую часть финансирования проекта посредством исследовательских грантов. Мы разделили работу на три этапа. На первом этапе, который займет две-три недели, мы готовимся. Далее в течение двух месяцев определяем исследуемую популяцию рыбного филина. Заключительный этап — отлов птиц и сбор данных; на это уйдет четыре года.

Я ликовал⁹: ничего общего с устаревшим, кризисным подходом, когда обессиленные и недополучающие финансирования биологи борются за то, чтобы предотвратить исчезновение животных там, где экологический урон уже нанесен. Большая часть Приморья по-прежнему оставалась нетронутой. Коммерческие интересы еще не успели одержать здесь победу. И пусть мы сосредоточили внимание только на одном из вымирающих видов — рыбном филине, — наши рекомендации по управлению лесным хозяйством могли помочь защитить целую экосистему.

Зима считалась самым подходящим временем для поиска рыбных филинов — в феврале они начинали активно токовать и оставляли следы на заснеженных берегах рек, — но у Сурмача в тот момент было много работы. Возглавляемая им неправительственная организация заключила многолетний контракт, по условиям которого должна была отслеживать популяции птиц на острове Сахалин,

и ученому приходилось проводить зимние месяцы в переговорах по решению организационных вопросов. Поэтому, несмотря на регулярные консультации с Сурмачом, мне так и не удалось поработать с ним в полевых условиях. Вместо этого в качестве доверенного лица он присылал своего старого друга и знатока тайги Сергея Авдеюка. С середины 1990-х годов Авдеюк и Сурмач совместно трудились над изучением рыбных филинов.

Экспедиция в бассейн реки Самарги, самый северный район Приморья, стала первым этапом нашего проекта. Там мне предстояло научиться искать филинов. Бассейн Самарги был местом уникальным¹⁰ — последняя полностью бездорожная зона водосбора в крае, однако лесозаготовки подступали все ближе. В 2000 году совет коренного народа удэге¹¹ в Агзу, одном из двух населенных пунктов на все 7280 квадратных километров бассейна реки, принял решение пустить лесозаготовителей на свои исконные земли. Это сулило появление новых рабочих мест и строительство дорог; но легкий доступ к территории вкупе с растущим населением наносил ей ущерб и становился причиной браконьерства, лесных пожаров и других проблем. Рыбный филин и тигр далеко не единственные виды животных, которые пострадали в итоге. К 2005 году руководство лесозаготовительного предприятия, зная о том, что местное население и региональные ученые недовольны этим соглашением, пошло на ряд беспрецедентных компромиссов. Первый и главный из них заключался в том, что компания обязывалась вести свою деятельность с оглядкой на требования ученых. В отличие от большинства трасс Приморья главная дорога должна была пойти высоко над долиной реки, а не вблизи экологически уязвимого водотока, а в некоторых районах, представляющих высокую

природоохранную ценность, предполагалось запретить вырубку леса. Сурмач входил в научную коалицию, которой поручили оценить экологическую ситуацию в пойме реки, прежде чем начать строительство дороги. Полевой команде под руководством Авдеюка дали задание выявить территории обитания рыбного филина на реке Самарге, то есть зоны, где нельзя рубить лес.

Участвуя в экспедиции, я не только помогал защищать рыбных филинов в районе Самарги, но и приобретал важный опыт, осваивая искусство их поиска. Потом эти навыки пригодились мне на втором этапе нашего проекта, когда мы определяли исследуемую популяцию. Сурмач и Авдеюк составили список наиболее доступных районов леса, где им уже доводилось слышать крики рыбных филинов, и отметили несколько мест, где стояли гнездовые деревья. Благодаря этому нам было с чего начать предварительные поиски, и мы с Авдеюком немало поездили по этим и другим местам, обследуя обширную территорию площадью 20 000 квадратных километров вдоль побережья Приморского края. Через год после того, как мы обнаружили несколько рыбных филинов, мы вернулись и приступили к третьей, завершающей и самой продолжительной стадии проекта: отлову птиц. Снарядив как можно больше филинов незаметными, похожими на рюкзачки передатчиками, мы смогли в течение четырех лет отслеживать их передвижения и записывать, куда они летают. Такие сведения давали нам четкое представление о том, какие условия необходимы рыбным филинам для выживания, что в дальнейшем позволило нам разработать план по их сохранению.

Что же нас ждало впереди?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Крещение льдом

ПОСЕЛОК ПОД НАЗВАНИЕМ АД

Вертолет задерживался. Я ждал его в прибрежном поселке Терней, в 300 километрах к северу от того места, где впервые увидел рыбного филина. Был март 2006 года, и я проклинал метель, из-за которой вертолет не мог подняться в воздух: мне не терпелось поскорее попасть в Агзу, населенный пункт в бассейне реки Самарги. Терней с его 3000 жителей был в этом краю самым северным анклавом цивилизации сколько-нибудь значимых размеров. Население чуть более отдаленных деревень вроде Агзу насчитывало несколько сотен, если не десятков, жителей.

В такой обстановке среди низеньких домов с печным отоплением я больше недели прождал своего рейса. За окнами единственной комнатки аэровокзала неподвижно стоял советский Ми-8, его серебристо-синий корпус подернулся инеем и потускнел, а вокруг бушевали снежные вихри. В Тернее я привык к ожиданиям: мне пока еще не доводилось летать на этом вертолете, а автобусы до Владивостока, который находился в 15 часах пути к югу от поселка, ходили только два раза в неделю, часто опаздывали и ломались. К тому времени я уже более десяти лет регулярно приезжал и подолгу жил в Приморье; ожидание было неотъемлемой частью жизни.

Спустя неделю пилотам наконец дали разрешение на вылет. Провожая меня в путь, Дейл Микелл, специалист по амурским тиграм, живший тогда в Тернее, вручил мне 500 долларов в конверте. Ссуда, пояснил он, на тот случай, если придется выпутываться из неприятностей. Он бывал в Агзу, а я нет: он знал, что меня там ждет. Я приехал на окраину поселка, к взлетно-посадочной полосе — расчищенному от вековых деревьев участку на берегу Серебрянки. Здесь, всего в нескольких километрах от места впадения в Японское море, река течет по широкой долине, обрамленной с обеих сторон низкими горами Сихотэ-Алиня.

Взяв в кассе билет, я смешался с беспокойной толпой старушек, детей, охотников — местных и городских. Закутавшись в толстые драповые пальто и не выпуская из рук чемоданов, они стояли снаружи и ждали приглашения на посадку. Такие продолжительные метели случались здесь нечасто, но теперь все мы стали заложниками непогоды.

В толпе было человек двадцать, а вертолет мог принять на борт не более 24 пассажиров без багажа. Мы с тревогой смотрели, как рабочий в синей спецовке то и дело носит коробки с продовольствием к вертолету, а второй — в таком же синем комбинезоне — грузит их на борт. У каждого из нас зародилось подозрение, что вертолет не сможет вместить всех, кому продали билеты, — загруженные в него ящики и мешки занимали ценное пространство, — но при этом каждый намеревался непременно протиснуться в крохотный проем металлической дверки. Там, в Агзу, команда Сурмача уже ждала меня восемь дней, и если я не попаду на этот рейс, то они, скорее всего, продолжат путь без меня. Я пристроился за дородной пожилой женщиной: по опыту я знал, что лучший способ обеспечить себе

место в автобусе — следовать за таким человеком по пятам, ведь это все равно что ехать за машиной скорой помощи в пробке. И я подумал, что здесь это тоже сработает.

Приглашение на посадку дали едва слышно, и мы стеной ринулись в атаку. Прорвавшись к вертолетной лестнице, я влез по ней в салон и стал лавировать между ящиками с картофелем, водкой и другими атрибутами русской деревенской жизни. Моя «неотложка» уверенно двигалась вперед, и я проследовал за ней в конец салона, где меня ждал иллюминатор и немного свободного пространства для ног. Постепенно количество пассажиров на борту превысило требования безопасности, и, хотя вид из окна по-прежнему был в моем распоряжении, пространством для ног мне пришлось поступиться из-за огромного мешка, вероятно с мукой, навалившегося на мои ступни. Наконец, на радость экипажу, отнюдь не бесконечное пространство салона заполнилось, и винты закрутились, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее, завораживая пассажиров своим неистовым вращением. Ми-8 дрогнул, оторвался от земли, с ревом пронесся низко над Тернеем, заложил вираж влево и заскользил над Японским морем, отбрасывая тень на северо-восточную оконечность Евразии.

Под нами тянулось побережье, неловко втиснувшееся узкой полосой гальки между горами Сихотэ-Алиня и Японским морем. В этом месте горный хребет резко обрывался, и заросшие долговязым монгольским дубом склоны неожиданно сменялись отвесными скалами — некоторые из них высотой с 30-этажный небоскреб. Их монотонный серый цвет изредка нарушали коричневые вкрапления земли и цепляющаяся за камни растительность либо белые подтеки, выдающие присутствие гнезда хищной птицы или вóрона. Голые дубы на верхушках скал были старше, чем

казалось. Из-за суровых условий, в которых они жили — ветров, холодов и туманов, окутывающих берег на протяжении большей части вегетационного периода, — они оставались низкорослыми и тонкими. Далеко внизу зимний прибой украсил густым, льдистым глянцем каждый камень, до которого мог добраться морской туман.

Примерно через три часа после вылета из Тернея Ми-8 приземлился, мерцая на солнце сквозь вихри потревоженного снега, и я увидел нестройные ряды снегоходов, сгрудившихся вокруг аэродрома — расчищенной от леса площадки с избушкой. Пока пассажиры высаживались, экипаж занимался разгрузкой, освобождая место для обратного рейса.

Ко мне с деловым видом подошел удэгейский паренек лет четырнадцати в кроличьей ушанке, из-под которой кое-где торчали черные вихры. Он сразу признал во мне чужака. Бородатый молодой человек 28 лет, я никак не походил на местных: мои русские сверстники, как правило, ходили чисто выбритыми, да и пухлая красная куртка выделялась на фоне приглушенных оттенков серого и черного, принятых среди русских мужчин. Паренек поинтересовался, что привело меня в Агзу.

— Ты когда-нибудь слышал о рыбных филинах? — спросил я по-русски; в экспедиции, да и на протяжении всего исследовательского проекта мне предстояло разговаривать исключительно на этом языке.

— Рыбные филины. Типа птицы? — ответил он.

— Вот их-то я и приехал искать.

— Так вы птиц ищете... — протянул паренек с ноткой озадаченности в голосе, будто гадая, правильно ли он меня понял.

Потом спросил, есть ли у меня знакомые в Агзу. А услышав, что нет, удивленно округлил глаза и поинтересовался,